

НАТА
КОСЯКИНА

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЕЛИКОН ПЛЮС»

Михаил Потапов

Ната Косякина

Стихи

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733210
Стихи. Книга стихотворений: Геликон Плюс; СПб.; 2019
ISBN 978-5-00098-194-8

Аннотация

Ната Косякина и Михаил Потапов – молодые воронежские авторы, которые стремительно завоёвывают своего читателя. Их лирические герои блуждают в прошлом, в своем собственном детстве или в детстве полу реальных людей, заглядывают в утопическое будущее и внимательно записывают всё, что видят. Но авторов интересуют не новинки технического прогресса или будущие политические выверты – они всматриваются в человека. Эта книга – серьёзное наблюдение о том, как жизнь превращается в бессмысленно вращающийся маховик.

Авторы не стесняются показать жестокую правду: так они ставят читателю прививку от болезни потери человечности. Но взгляд этот не пессимистичен: в книге есть секрет того, как остаться живым. Кроме того, эта книга – удачный синтез двух разных, но удивительно созвучных языков. И в каком-то смысле её можно считать одним большим пронзительным стихотворением:

Мне перестало везти с автобусом.
Он не приходит за мной, не приходит.
А я всё делаю привычным образом.
Прихожу, становлюсь, жду его – верно же вроде?

(Ната Косякина)

...

Мы ждали, и ждали, и ждали.
Трамваи нас не забирали,
И мы ушли с остановок.

(Михаил Потанов)

Содержание

Ната Косякина	5
Сны о счастливом детстве	5
Школа 72	5
«Сидит на подоконнике ребёнок...»	7
Главред	8
«Девочка зашла из нашего отдела...»	9
Колыбельная для мальчика	10
«Уже потеплело, и девочки наперевес...»	11
Зимний день рождения	12
«Мы спускались ниже, ниже...»	14
Почему ты плачешь, Аркадий Юрьевич?	15
Звоночек	15
Дашенька-журналистка	16
Альберт и Альбертина	18
Долгая счастливая жизнь	19
Муж полюбил иностранку	21
Наблюдатель	23
Медленно	24
«Одолели тебя и меня...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ната Косякина, Михаил Потапов Книга стихотворений

**Ната Косякина
Стихи**

Сны о счастливом детстве

Школа 72

Контрольную пишут дети
В школе 72.
В классе бесстыдный гвалт.
Последний урок на свете

(просто четверг).
Гуляют ответы.
Болит у звонка голова.
В школе 72
Училки пьют в кабинете.

Физичка и алгебраичка.
В лабораторной комнате.
Два стареющих личика
И некто в сером:

- Вы помните? Вы помните?
- Лида, может, споёмте?
- Вы помните? Вы всё помните!
- Вы скоро, скоро умрёте!

Физичка пускает руку
В знакомый ящик стола.
В руку ложится синяя «Умка».
Как хорошо, что «Умка» цела.

Она поделит конфету
Не по законам наук.
Бледных губ полукруг
(Выпил стакан помаду).
– Лида, съешь сама, мне не надо.
В углу темнеет паук.
И повторит, поборов испуг,
Уже в пустоту:
– Не надо.

А те всё кружат,
Летают по комнате:
– Вы помните, помните?
– Мы знаем, что помните!

Звонок. Лида сгребёт помыть
Спасительный инвентарь её,
Подумает, что ж поделать, мы
Не какие-то гуманитарии.

А впрочем, жизнь над всеми права.
Не ясно зачем, но чего-то ради
Пойдёт собирать у детей тетради
С контрольными в школе 72.

«Сидит на подоконнике ребёнок...»

Сидит на подоконнике ребёнок
И смотрит в немигающую высь.
Сидит на ветке жёлтый воробьёнок
И мальчику чирикает «держись!».

А по ветру, разматываясь мыслью,
Летит звезда из пуха тополей.
И маленькие пальчики зависли,
Нелепо растопыренные к ней.

И кажется ребёнку, что на свете
Любая досягаема звезда.
И превратились пустота и ветер
В воздушные пути и поезда.

Того, что нам отмерено по праву,
Не стыдно и не страшно захотеть.
И видела пустующая рама,
Как радостно взмывают над дубравой
Ребёнок, воробьёнок и орава
Пушинок – звёзд всех птиц и всех детей.

Главред

У мальчишки, жившего в нашем дворе,
Был отец – районки нашей главред.
Обижать мальчишку – себе во вред.
Это все в округе ребята знали.

И худого, щуплого его отца
Все боялись больше, чем парня-борца,
Чем больного скитальца
И мента-пловца.
А ведь он рукаст и носил медали!

«А мой папа напишет, что ты дебил!
А мой папа напишет, что ты водку пил!
Что в башке крокодил, а ещё я снабдил
Его снимком, где ты на горшке краснеешь!»

Я жила с тем мальчишкой в одном дворе.

Я влюбилась в отца его. О главред!
Я красива, за 20 – каков дуэт,
Повелитель мнений села Панеева!

Эта любовь моя не удалась.
Я не стала женой главреда.
Но отодвину ящик стола
И достану его газету,
Где красива, за 20, лукавый взгляд,
Платье синее, локоны, плечи горят
И на стёртой бумаге буквы гласят:
«Лучше всех в Панеевке – Света!»

«Девочка зашла из нашего отдела...»

Девочка зашла из нашего отдела
В кабинет к директору. Ты чего хотела?

Девочка хотела, чтобы было счастье,
Только вот к кому за счастьем обращаться?

Девочка хотела, чтобы у ребёнка
В этот Новый год праздник был и ёлка.

Девочка хотела, чтобы говорили
С нею о душе. А с ней не говорили.
Да а впрочем ладно, пусть не говорите,

Только возвращайтесь, вешайте в прихожей
Чёрное пальто и глаз не отводите.
Вслух она сказала:
– Канцелярский ножик.
Он ответил ей, от дел не отвлекаясь:
– Этими вопросами я не занимаюсь.

Колыбельная для мальчика

Колыбельная для мальчика
В Коктебеле, сам из Нальчика.
На белёсо-серой наволочке
В ночь глядит его лицо.

В темноте всё неразборчиво:
Что-то было и закончилось.
Не мешай ты, не ворочайся —
Обхватил себя кольцом.

Он не глупый — да вот молодость.
Сознавал, старался — молодость.
Чист, умён — да только молодость.
Ну прости ты мир, малыш:

Колыбельные обманчивы,
Коктебели вас не прячут, вы
Как резиновые мячики —

Оттолкнулся и летишь.

Не скажу тебе я дельного.
Я такая ж, только девочка.
Я сильней, да вот поделена
На две тысячи частей.

Колыбельная для девочки —
Это выстрелы у темечка,
Это марш, и свыклись стеночки
С горькой поступью моей.

Наши стены не кончаются,
Щёки горячи, как чайники,
Ты лежишь сейчас, отчаявшись,
Под бедой, как под свинцом.

Ты прости нас, что заплакали.
Над тобою мы заплакали.
А в трубе застряло, в раковине,
Обручальное кольцо.

«Уже потеплело, и девочки наперевес...»

Уже потеплело, и девочки наперевес
Несли вчера куртки, щурясь и улыбаясь.
И мысли тянулись гусиным семейством в лес,

И жизнь легко наматывалась на палец.

Уже потеплело, и девочки наперебой
Задумывались о том, как сбежать с уроков.
И я даже снова решила, что есть любовь,
Но следующим утром снова над головой
Серое небо, молчание и тревога.

Но девочки не сдаются: они уже
В открытую говорят о счастливой жизни.
Природа против голых девчачьих шей
Чуть-чуть постоит – и сдастся на рубеже
Ключиц. Она любит таких, как сама, капризных.

Сестра моя купит ещё одну новую вещь
И станет ещё быстрее сбегать из школы,
И я уже слышу музыку в голове,
И нет ничего, чем это старье, новей.
И мало что есть прекрасней и бестолковей.

Зимний день рождения

Беспокоясь за зиму,
В тёплый январский четверг
Маму из магазина
Пятилетний ждал
Человек.

Он казался седым,
Снегом припорошённый.
Шапка под капюшоном
Цвета летящей звезды.

Цвета песочной горсти
Вязанные ладони.
Надо бы унести
Зиму, а то прогонят —

Папа читал ему
Это из детской книжки.
Нужно сказать мальчишкам.
Есть во дворе Тимур,

Старше на целый палец,
Красный катал «Камаз».
Если б они не спали,
Всё бы успели враз.

Жгло снегопадом тьму,
Месяц болел, пылая.
Думают почему
Все, что зима злая?

– Добрая! – закричал
Мальчик от нетерпенья. —
У меня день рождения! —

И весь мир замолчал.

«Мы спускались ниже, ниже...»

Мы спускались ниже, ниже,
У меня был новый фонарик.

– Оля, что там?

Мы с сестрой и Миша.

Он испугался, у двери следил за нами.

– Здесь есть слизняк, – говорит, отступая,
Оля. Почти к стене прижалась.

Стена, как рассыпчатое молоко, ей
Отпечаталась на пижаме.

– Девчонки, пойдёте лучше назад, —
Мише прохладно, он топчется, мнётся
На месте. Сегодня будет гроза,
А нам и хочется, и живётся.

Мы вошли в приоткрытую тьму,
И тьма приняла нас, сомкнулась за спинами.
Наверное, именно потому
Миша жив, а мы уже сгинули.

Почему ты плачешь, Аркадий Юрьевич?

Звоночек

Мне перестало везти с автобусом.
Он не приходит за мной, не приходит.
А я всё делаю привычным образом.
Прихожу, становлюсь, жду его – верно же вроде?

Тучи по-прежнему были синими,
Люди водой запивали икоту —
Всё так, но автобус не шёл везти меня.
И я перестала ходить на работу.

Виктор Петрович носил платочек в верхнем
Кармане затёртой рубашки розовой.
Коровы так радостно рожали на ферме,
Тучи семь раз разрешились грозами.

Что же мне делать, люди добрые?
В киоске крутится, крутится вертел.
Беды-подружки смеются: дома я
Спать перестала, верьте не верьте.

В тяжёлой дремоте явились мне люди.
Я узнала: это спасители, ангелы ночи.
Говорят: всё потому, что сердце твоё не любит.
Беги, беги отсюда, это был первый звоночек.

Звенит, звенит мой первый звоночек
Звенит Вагнером, а потом Мандельштамом.
Беги, потому что ни одна жизнь не хочет
Того, кому и бежать невмочь, и
Не успокоиться под одеялом.

Дашенька-журналистка

Уже бывшая замужем
В девятнадцать-двадцать,
Неудачно,
Будет теперь только себе
Стараться,
Будет себе батрачить
Дашенька-журналистка.

Мне она кажется
Девочкой-переростком,
Девочкой-гермафродитом,
Кучно застывшим воском
После свечи. Поди ты
Ей расскажи стишок.

Подумает – не мужчина.

А вот когда приходит
В клуб она на тусовку,
Кажется всем, что может
Быть и любовь высокой,
Как эта Даша. Нежной,
Как её пальцы, вьющиеся
У стакана.

Мало мне перекрестий
В мире и в человеке
Линий плавных и резких.
А Даше хочется в пекло,
Мало ей подноготной
Бедной суровой ночи.
За полночь Даша в «Скорой»
Едет с дежурным. Хочет
Даша писать про пьяных.
Хочет смотреть им в лица.

– Дашенька, просыпайся! —
Снится ей в «Скорой» голос.
Снится какой-то майский
Ветер, и бывший, холост,
Будит её на пару.
Вот за кого бы замуж
В платье и под гитару.
Даша проснулась. «Да уж, —

Думает, – ну и приснится же всякое».

Альберт и Альбертина

Альберт и Альбертина
Поклонялись разным богам,
Зато аккурат к ногам.
А ноги были в ботинках.

Они расстались у входа,
Порога и четверга,
А солнце, как курага, —
Жухло, мято, противно.

Альберт писал на стене
Протяжные буквы «Ууу»,
Но не посвящал никому,
А всем говорил: «Садитесь».

Альберт и Альбертина
Оказались нужны четвергу.
И проделав дыры в снегу,
Они встретились на убийстве.

– А помнишь, ты говорила,
Мы Альберт и Альбертина
И Бог написал, что мы —

Две части одной кутерьмы?

– Да, говорила, помню.

С нами шептались корни,

И райские птицы, и вишни в садах...

Но нет, с именами – ты что, ерунда.

Сейчас всё гораздо лучше,

И муж у меня крутой,

И я бы не стала слушать

Бредни себя молодой.

Они постояли молча.

Альберт шевельнул плечом.

Буква «Ууу» разрасталась тучей

И била его хвостом, как бичом.

Альберт и Альбертина

Молча глядели вперёд,

Где с человека слетает ботинок

И кровь в облаках плывёт.

Долгая счастливая жизнь

Никто не пил вчерашним вечером

В дощатом танцевальном зале.

Таблички вспыхнули аптечные,

У каждой по миллион терзаний.
Стянули девочки колготочки
И чешки шумно побросали.
Никто не пил, занятие кончилось,
Живите – сами.

И не пила я после этого,
Когда в затихшем детском гуле
Пришёл всех позже папа Светы
И ждал с деньгами в вестибюле.
И не пила, когда поднялся он
Взглянуть в журнал и распоясался,
У юбки пояс распоясался,
И лампа ныла в абажуре.

Никто не пил, клянусь вам. Только вот,
Разговорившись друг о друге,
Мы по трубе слетели стоковой
Навстречу привокзальной выюге.
И узелки в руках, как бусинки
(Большой багаж оставим в прошлом),
– Я так искал тебя, опустим всё!
– Да, мой хороший!

Вот потому-то мне так страшно, что
Я проснуться не решаюсь.
Ведь мы себе на ночь вчерашнюю
Себя самих наобещали.

А кто мы? Вывески, потухшие
Навстречу утреннему свету.
Зачем смотреть, по всем приметам —
Тебя здесь нету.

Муж полюбил иностранку

Муж полюбил иностранку,
Ходит соседский толк:
Может быть, за осанку,
Может, за кожу гладкую —
Трудно сказать, за что.

Муж полюбил иностранку
С кафедры СМИ – РИСО.
В спальне с женой Оксанкой
Вдруг вскочил спозаранку.
Глядь – а он наизнанку.
В общем-то вот и всё.

Что ему было делать?
Сложенные в квадрат,
Из шкафов полетели
На просторы постели
Стаи рубашек в ряд.

В сорок с собой прощается,

А виноват секрет:
В сердце страна забивается,
Он с ней давно не знается.
Раз в своей – иностранец,
То в чужой – вдруг бы нет?

Окна мои выходят
К ним на вечерний совет.
Страшные окна-иконы,
Гоголевский «Портрет»!
Смотришь – такая горечь,
Страх, окончанье, месть
В том, как он, бедный, хочет,
Хочет в неё залезть!

Боже, ты только обоим
Не поломай бока.
Славно сдаются, с боем,
Пялясь на облака.
Вон он, за дым цепляясь,
Махом с окна, в обрыв.
Или нет, показалось...
Всё это показалось.
Всё искажают занавесь,
Ливни и комары.

Муж живёт с иностранкой.
Петунии, халат, Брандо.
Тих, послушен, и сам не

Знает, на что готов.
Мелкие перебранки
В свете узорных штор.
Нет, полюбил иностранку
Всё-таки он за осанку,
Или за кожу гладкую,
Или ещё за что.

Наблюдатель

Он знал на 90 процентов из ста,
Что нельзя уходить с наблюдательного поста.
Здесь никакого долга, наука его проста:
Жив человек, пока он своё ваяет.

С детства он понял, что рождён наблюдать.
Должен знать, как сегодня лежит у отца борода,
С какими оттенками смотрит мать,
Как перешагивает сестра.
Сколько песчинок придвинулось к краю ямы.

В Новосибирске сегодня метут снега.
Сквозь леса промелькнули заснеженные рога.
В мире ни одного похожего четверга,
Как ни одной похожей водительской брани.
Но почему-то сегодня грустно глядеть на окно.
Сердце рвётся: здесь с ночи множество новых «но»,

Хотя ничего не случилось. На кухне уже темно.
Он смотрит и чувствует, что этот день умирает.

– Боже, как я устал от наблюдательного поста. —
То есть, хочешь сказать, от жизни своей устал.
Что с идиотом случилось? – Опять ничего, —
Говорит всемирная суета.
Что с человеком случилось?
Он город в себя вместил,
Рассказывать никому не стал.

Никто не узнал, что каждый мельчайший сдвиг:
Рождение утра, подавленная рябина, гибель любви,
Конец человека, шаг на снегу, точка в пространстве
Больной городской крови —
Всё это новая смерть для этого человека.
Как же мне жалко правду, не видную сквозь бардак,
Летающую со снегом, сосланную за брак:
Привилегия умирать даётся только тому, кто жив.
Всё остальное можно найти за так.

Медленно

Мама мной была беременна,
И чем дальше, тем ходила медленнее.
Поднималась по ступенькам медленно, медленно.
Дольше прочих лежала на сохранении.

А за окном ходила жизнь, наверно, быстрая,
Но всё внизу. А на маминой высоте
Последнего этажа жизнь зависла,
Пушинкою в занавеску влетев.

Мама угодила в застывшее время.
Стала тиха, как крылечко летнее,
Стала одинокая и уверенная.
Так иногда бывает, если ты последняя.

Небо темнело, потом светлело.
Мама рожала одна и медленно.
«Не спеши», – говорила мне она,
Но я родилась и стремглав полетела.

Я хотела вместить в себя всё целиком.
То, что мне нужно, было где-нибудь далеко.
Я скидывала всё, что цепляется за подол.
А мама становилась широкой, что циферблат.
Мне снилось: ноги её, прибитые под столом,
Несмотря ни на что, шагают назад.
А головы её никогда не видно за той луной,
И я всё время куда-то бежала во сне.
Она говорила: «Остановись, побудь со мной»,
И её голова превращалась в снег.

Она сидела в парке под разросшейся липой
В красивом бледно-рыжем платке.

И если бы Бог допивал наш литр,
Она была бы в последнем глотке.

Если бы всё происходило медленно,
Как матерями и временем велено,
Меня бы догнал то ли Бог, то ли бес, но
Пока я петляю – ему интересно.

Одним невезучим тридцатым летом
Чья-то рука мне обвила цепь
Зелёного грустного велосипеда,
И я научилась всерьёз лететь.

В больнице меня лечили медленно.
Висли врачи надо мною кранами.
Кости и связки срослись, но странное
Что-то проснулось во мне от матери.
Я вышла на свет в воскресенье рано
И поняла, что начала отставать.

Сперва это было едва заметно.
Я опережала крыши и ветки,
Я даже была быстрее ответов.
Но дальше пошли тревожные знаки.
Мне стало неинтересно всё это.
Я уступила чужой собаке.

Я уступила кому-то свой велик,
Я бросила бегать по вечерам.

На кассе кто-то сказал, что я медлю,
Прохожий сказал, подо мной дыра.

Я послушала и посмотрела вниз.
Воронка действительно разрасталась.
Мама взглянула и сказала: «Молись,
С тобой самое страшное – это старость».

Старость моталась за мной, как половая
Тряпка, чёрная до краёв.
Старость была молодая, живая.
Преждевременная, как всё моё.

А передо мной стояла мать.
Вот круглый живот и морщины, но
Матери очень легко стоять.
Под нею светлое есть пятно.

И тогда она, глядя по шее,
Стала что-то тащить из моих ушей.
И потом, чтобы избежать искажений,
Шепнула мне в ухо: «Где твоя жизнь?».
Но жизнь не откликнулась ей уже.

«Одолели тебя и меня...»

Одолели тебя и меня

Пересуды, звонки, переводы.
И не только тебя и меня,
Но и парня с моей работы.

На работу мы утром пришли,
Как приходят все на работу,
Сторожа наши лампы зажгли,
Только переменилось что-то.

Кто-то пьяный здесь надышал,
Надышал, что мы все заметили.
Он здесь ночью пьяный лежал.
На полу темнеют отметины.

Видно, ноги сюда упирал,
В своды стен истерично-жёлтые.
В телефон набирал номера,
То кричал, то бурчал шёпотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.